

«Крепкий художник» или «бессильный кликуша»: Иван Шмелев в зеркале советской критики 1920-х годов¹

Статья посвящена рецепции творчества И.С. Шмелева в советской критике и литературоведении 1920-х гг. Материалом послужили публикации в периодике, до сих пор не ставшие предметом специального анализа, а также курсы истории литературы и мемуарные источники. Рассмотрены рецензии на издания как прежних, так и новых произведений Шмелева, появившихся в советской и эмигрантской печати. Установлено, что, несмотря на антибольшевистские взгляды, Иван Шмелев постоянно находился в поле зрения издателей и читателей. Выявлено разнообразие подходов критиков, которые уделяли внимание поэтике, смысловым, нравственным и социальным акцентам шмелевского творчества. Сделан вывод о том, что спектр оценок был весьма широким и включал в себя не только идеологические ярлыки и социологизаторский взгляд на писателя, но и представление о Шмелеве как о крупном и даровитом художнике-гуманисте, чьи книги должны занять достойное место в библиотеках. Тезис о том, что политическая позиция художника не должна препятствовать объективной оценке его таланта, стал принципиальным для многих литературно-критических выступлений рассматриваемой эпохи.

Ключевые слова: Иван Шмелев, советская критика, русская эмиграция, издание книг

The article is devoted to the reception of Ivan Shmelev's creative work in Soviet literary criticism of the 1920s. The basis of the study is some critical articles in various periodicals which have not yet been the subject of special analysis as well as literary history courses and memoir sources. The article reviews the editions of both former and new works by Shmelev which appeared in the Soviet and emigrant press. It has been established that despite his anti-Bolshevik views Ivan Shmelev constantly attracted the attention of the publishers and readers. The variety of approaches of critics who paid attention to the poetics, semantic, moral and social accents of Shmelev's work is also revealed. It was concluded that the range of his assessments was very wide. It included not only ideological labels and a sociological views but also the idea of Shmelev as a major and talented artist-humanist whose books should take their rightful place in the libraries. The thesis that a political position of the artist should not prevent an objective assessment of his talent has become fundamental for many literary reviews during the epoch under consideration.

Keywords: Ivan Shmelev, Soviet criticism, Russian emigration literature, book publishing

«За врагом всегда надо внимательно следить» — так критик Александр Воронский начинает статью о писателях эмиграции, посвященную Бунину, Мережковскому, Куприну и Шмелеву, под зловещим заголовком «Вне жизни и вне времени» (1925) [1. С. 19]. Можно предположить, что после выхода в 1923 г. антибольшевистской книги «Солнце мертвых» Шмелев был изъят из читательского обихода в Советской России. Но это не так. На протяжении всех 1920-х гг. писатель оставался объектом издательского, читательского и литературно-критического внимания в СССР. Культурная жизнь того времени носила полицентрический характер, государственный диктат одной идеологии еще не стал жестким и всеобъемлющим (об этом см.: [2]). Ярким примером плюрализма в оценках Шмелева является сопоставление двух откликов на рассказ «Это было». Оба они появились в 1923 г. в главной газете советского правительства — «Известиях ВЦИК». Если теоретик «левого искусства» Николай Чужак отнес рассказ к «пустозвонно-покаянной категории», к литературе «бывших людей» [3], то Николай Смирнов называет автора «большим художником», в его стиле находит «лучший образец для современного беллетриста» и видит в его произведении «поразительную глубину, глубокую лиричность и тонкость рисунка» [4]. Показателен и следующий факт: в 1927 г. по повести Шмелева был поставлен фильм «Человек из ресторана» (режиссер Я.А. Протазанов).

Рецепция шмелевского творчества советской критикой затрагивалась в статье Д.Д. Николаева [5], где сопоставлены два потока критических работ: российский и зарубежный. Исследователь показал, как в 1921–1923 гг. Шмелев стал «одним из немногих современных русских писателей,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00665, <https://rscf.ru/project/23-28-00665/>); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

чи книги печатали и на родине, и в эмиграции» и о котором «писали критики по обе стороны границы» [Там же. С. 369]. Автор детально остановился на рецензиях Н. Ашукина, А. Аросева и Ю. Соболева. Особый интерес в его работе представляет обзор заметок о новых изданиях Шмелева в журнале «Бюллетень книги» за 1923 г., при этом подчеркивается, что «все они были рекомендованы для приобретения библиотекам» [Там же. С. 373]. Поскольку хронологические рамки статьи ограничены 1924 г., в ней не могли быть учтены появившиеся позже в советской прессе отклики на «Солнце мертвых» и последующие российские и эмигрантские издания Шмелева 1920-х гг. Тот период рассмотрен в настоящей работе на материале двух десятков литературно-критических выступлений, многие из которых впервые стали предметом анализа². Таким образом, цель предлагаемой работы — детально проанализировать тенденции, направления, мотивы и содержание советской литературной критики, касающейся шмелевского творчества. Подробное и многогранное исследование этой темы стало возможным благодаря появлению в 2023 г. антологии «И.С. Шмелев. Pro et contra. Т. 1» [6].

В первые годы советской власти книги Шмелева выходили с той же интенсивностью, что и до революции. Только за 1922 и 1923 гг. государственными издательствами были напечатаны 13 его книг. Это не только переиздания, но и новые произведения. Так, «Неупиваемая чаша» вышла в 1922 г. в Москве, рассказ «Это было» и памфлет «Сладкий мужик» напечатаны в 1922 и 1923 гг. соответственно в журнале «Россия»³. С 1926 по 1929 г. вышли шесть изданий Шмелева (три из них — повесть «Человек из ресторана»). И только «год великого перелома» — 1929-й — положил конец идеологическому плюрализму. Следующий выход текстов Ивана Шмелева состоялся в 1940 г., а последующий — после 17-летнего перерыва, лишь в 1957-м⁴.

История советских публикаций, посвященных Шмелеву, началась с того, что он был объявлен мертвым писателем в буквальном смысле слова: в 1920 г. критик Н. Ангарский (псевдоним Н.С. Клевцова) в альманахе «Творчество» сообщил, что литератор скончался в Крыму от тифа [7. С. 39]. Н. Ангарский хорошо знал и ценил творчество Шмелева, в статье «Задворки жизни» (1912) называл его «выразителем лучших традиций русской литературы» [8]. Теперь же в своем «некрологе» он не скупится на ярлыки: «певец мещанства», «буржуазная психология», «патриотический угар». И вообще Шмелев кончил тем, что «бежал от пролетарской диктатуры к диктатуре генеральской» и умер «в белогвардейском стане» [7. С. 40]⁵.

Но это казус. На протяжении всех 1920-х гг. критика внимательно следила за творчеством Шмелева. Многие статьи вполне объективны и доброжелательны. Так, нескольких рецензий удостоилась «Неупиваемая чаша». Казалось бы, лирическая повесть с элементами мистики, с на-

² Когда данная статья была сдана в набор, вышла в свет публикация Д.Д. Николаева «Шмелев в СССР. Статья первая: издания и рецепция в довоенный период» (Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 263–291). Значительный объем позволил автору детально описать историю публикаций Шмелева, привести обширные цитаты из критики. Эта работа и настоящая статья дополняют друг друга; в частности, у Д. Николаева учитывается ряд общих обзоров эмигрантской литературы, а в статье содержится эксклюзивный анализ публикаций Н.С. Ангарского, И.Н. Кубикова, И.А. Белоусова, Б.М. Киреева.

Sm.: Literaturnyi fakt. 2024. No. 2 (32). S. 263–291.

³ Это было: (рассказ странного человека) // Россия. 1922. № 3. С. 1–3; Сладкий мужик // Россия. 1923. № 9. С. 1–2. Рассказ «Это было» был опубликован также в газете «Дни» (Берлин. 1923. 21 января) и альманахе «Недра» (М., 1923. № 1. С. 99–151).

Eto bylo: (rasskaz strannogo cheloveka) // Rossiia. 1922. No. 3. S. 1–3; Sladkii muzhik // Rossiia. 1923. No. 9. S. 1–2. Rasskaz «Eto bylo» byl opublikovan takzhe v gazete «Dni» (Berlin. 1923. 21 ianvaria) i al'manakhe «Nedra» (Moscow, 1923. No. 1. S. 99–151).

⁴ Шмелев И.С. Повести и рассказы. М., 1940; *Ego zhe*. Человек из ресторана. М., 1957.

Shmelev I.S. Povesti i rasskazy. Moscow, 1940; *Ego zhe*. Chelovek iz restorana. Moscow, 1957.

⁵ Тем не менее спустя год Н.С. Ангарский дал поручительство за Шмелева, что позволило тому выехать за границу, а в 1923 г. опубликовал в своем альманахе «Недра» рассказ «Это было».

званием иконы в заголовке, с описанием молитв была чужеродна новой советской культуре. Тем не менее в анализе Николая Ашукина автор предстает как мастер полнозвучного, красочного реализма, овеянного «воздухом романтизма». Критик отмечает житийный характер повествования, смысл которого очевиден: искусство как чудо, дарящее людям радость, исцеляющее горести и страдания. В 1922 г. цензуру не беспокоили такие, например, строки: «Чувство России — Родины — внутренний пафос повести, ее ритм» [9].

Литературовед и критик, известный своими работами о Чехове, Ю.В. Соболев высоко ценил Шмелева и не раз откликался на выход его книг доброжелательными рецензиями. В них оценивались не в последнюю очередь духовно-нравственные коллизии, проявления любви к человеку. Так, главными в повести «Служители правды» Соболев считал «неподдельные добрые чувства и страстный протест против племенной вражды» [10. С. 271]. Стилизация жития в «Неупиваемой чаше», отмечал Соболев, сделана мастерски, выполнена подлинным художником, искусство которого «сохраняет в себе живительную яркость и подлинную крепость». Шмелев создает «литературу такой прочной кладки, которой нет в невеселой беллетристике многих современных наших прозаиков» [11. С. 224–225]. Спустя год в отклике на книгу рассказов «Виноград» Ю. Соболев вновь говорит о месте Шмелева в ряду русских художников: это «крепкий и сильный писатель». Более того, критик констатирует развитие шмелевского таланта: он «в последних своих произведениях (“Неупиваемая чаша” и “Это было”) чрезвычайно убедительно доказывает органический рост дарования» [12. С. 294].

Переиздания дореволюционных произведений Шмелева постоянно привлекали внимание советских критиков. Строка, с которой начинается краткая рецензия Б. Киреева на издание повести «Человек из ресторана», может стать эпиграфом к советской «шмелевиане» 1920-х гг. Звучит она двусмысленно и комично: «Иван Шмелев, докатившийся в настоящее время до откровенного монархизма, — большой и яркий писатель» [13. С. 41].

Тезис о том, что политическая позиция не должна заслонять талант художника, стал принципиальным для многих литературно-критических выступлений рассматриваемой эпохи. Книга Шмелева — автора, который «полон любви к человеку», — должна быть в каждой библиотеке, полагал Б. Киреев. Леонид Дашков (псевдоним П.Н. Зайцева), откликаясь на выход сборника «Забавное приключение» (1927), перечислял достоинства рассказов и делал вывод о масштабе литературного дарования автора: «Шмелев один из самых видных и талантливых бытописателей реалистов. <...> Его симпатии на стороне угнетенных, униженных» [14. С. 48]. Он вторит Кирееву: «ГИЗ имел основания издать книгу избранных вещей этого писателя, несмотря на то, что писатель находится в стане белой эмиграции» [Там же].

Две другие книги Шмелева — также переиздания произведений дореволюционных лет — вышли с развернутыми предисловиями, схожими по содержанию и выводам. Вступительная статья к книге «Забавное приключение. Рассказы» (ГИЗ, 1921) принадлежит Георгию Горбачеву. Фактически это очерк, громко озаглавленный «Реалистическая проза 1910-х годов и творчество Ив. Шмелева». Здесь, в частности, встречаем очень интересное сопоставление Шмелева с писателями-современниками, которое и сегодня звучит свежо и актуально. Если прибегнуть к спортивным аналогиям, суть его такова: Шмелев проигрывает другим в каждом отдельном виде состязаний, но по набранным очкам выигрывает литературное многоборье.

Шмелеву далеко до классической четкости и ясности Бунинских описаний, до проникновенного, заражающего своим настроением лиризма Б. Зайцева, до полугротескной выпуклости чудовищных фигур Толстого или Замятина. Но зато Шмелев достигает равенства с каждым из этих писателей: лирика и пейзаж «Под небом» и «Волчьего переката» достойны Зайцева; неторопливая, спокойная четкость «Пугливой тишины» равна Бунинской; соперничал в свое время с «Уездным» Замятина сказ «Человека из ресторана», могли быть написанными Чеховым «Лихорадка» и «Поденка», Горьким — «Распад» [15. С. XI–XII].

Предисловие к книге рассказов «Стена» (1928) подписано псевдонимом Л. К. Согласно концепции критика, талант Шмелева есть сращение элементов реализма, натурализма и импрессионизма. Импрессионистскую поэтику Л. К. усматривает в изображении странных зигзагов в настроении человека (как, например, в «Пугливой тишине» и «Поденке»). В работе присутствуют стандартные для марксистской критики пассажи о том, что «в своем гуманизме, в своем сочувствии к страдающему “мелкому человеку”, в отвращении к рыцарям наживы И. Шмелев не имеет ясной социальной перспективы», не видит роли пролетариата и не выходит из рамок буржуазной литературы [16. С. 7]. Вывод автора предисловия:

Шмелев не возвысился до правильных обобщений, ибо зоркость его ограничилась той средой, какая не несла в себе «нового завета», не могла выделить из себя авангарда классовой борьбы. Но в том наследстве буржуазной литературы, какое нам досталось, произведения И. Шмелева, по своей честности, прямоте и откровенному разоблачению буржуа, пожалуй, могут быть выдвинуты в первый ряд [Там же. С. 8].

Социологизаторский подход, ориентация на идеологическую и агитационно-пропагандистскую функцию литературы в описываемую эпоху были свойственны ряду критиков, но не были всеобщими.

Что касается нового, эмигрантского, творчества Шмелева, то оно также находило отклик в советской печати. Однако в этих рецензиях собственно литературно-критический анализ и эстетические оценки уступали место политическим ярлыкам, окрикам, обличениям. «Солнце мертвых», впервые опубликованное в альманахе «Окно»⁶, стало главным объектом нападок. Например, Иван Аксенов в рецензии на выпуск «Окна» за 1923 г. всех его авторов, среди которых Иван Бунин, Лев Шестов, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Константин Бальмонт, Павел Муратов, Иван Шмелев, Алексей Ремизов и Марина Цветаева, называл слизняками и черепокожими тварями. Эпопея Шмелева в этом контексте определялась критиком как «одна из самых остервенелых противосоветских агиток в белой литературе»; по его словам, большей, чем у Шмелева, ненависти к «красной звезде» не найти ни у каких иных писателей [17. С. 256–257].

Шельмование русской эмигрантской литературы А. Воронским и участниками созданной им при журнале «Красная новь» группы «Перевал» стало одним из предметов анализа в работе Н.В. Корниенко [18]. «По количеству брани в адрес литературы и критики русской эмиграции перевальцы не уступали напостовцам» [Там же. С. 114], — сообщает исследователь, имея в виду таких критиков, как А. Воронский, Д. Горбов, Н. Смирнов. Действительно, в их оценках Шмелева встречаются почти дословные совпадения, обнаруживается набор одних и тех же язвительных обличений, словно сделанных под копирку. Так, А. Воронский рассматривал Шмелева как «бессильного кликушу, юродивого, дошедшего до иступления в своей ненависти к новому» [1. С. 22]. Впрочем, Воронский, в отличие от И. Аксенова, не ограничился политическими ярлыками, но раскритиковал и стилистику «Солнца мертвых»: «...истеричность тона <...> елейность, бессильное ехидство <...> бесконечные умствования — сплетаются в нечто нудно-вязкое и злобно-тупое» [Там же. С. 21].

Николай Смирнов в ряду «обличителей» Шмелева стоит несколько особняком. Его краткая рецензия на рассказ «Это было» наполнена восторженными оценками:

Ив. Шмелев — большой художник. <...> Написан рассказ с поразительной глубиной, глубокой лиричностью и тонкостью рисунка. О стиле Шмелева говорить нечего. Вместе с Ал. Толстым — лучший образец для современного беллетриста [4].

⁶ Шмелев И.С. Солнце мертвых // Окно. 1923. № 2; 1924. № 3.
Shmelev I.S. Solntse mertvykh // Okno. 1923. No. 2; 1924. No. 3.

Опубликованная через год рецензия Н. Смирнова на «Солнце мертвых» начинается столь же благостно: «В смысле чисто художественном эпосея, особенно в местах внутренне-субъективных, написана хорошо: есть в ней какая-то органическая лиричность, озаряющая ее тихим светом осени...» Но тут критик словно спохватывается и дезавуирует собственную оценку: «...но в целом это — погромная, мстительнейшей злобой пылающая вещь» [19. С. 256]. Далее следуют ярлыки, противоречивые и порой бессмысленные: «убежденный и непримиримый, одноглазый, до наивности глупый и до глупости злобный реакционер», «иезуитски скрытый народоненавистник» и т.д. [Там же].

Рассказы Шмелева «На пенях», «Про одну старуху», «Каменный век», «Сидя на берегу», вышедшие в 1925 г., удостоились внимания того же Николая Смирнова и Дмитрия Горбова. В 1926 г. по поручению редактора «Нового мира» В.П. Полонского Смирнов подготовил обзор эмигрантской печати, в котором содержались негативные оценки творчества «порвавших с родиной» писателей: В. Ходасевича, М. Цветаевой, З. Гиппиус, А. Куприна, Ф. Степуна, Б. Зайцева, И. Шмелева, И. Бунина. Цель этой работы — показать «перерождение» дореволюционной российской литературы. Иван Шмелев утратил дары подлинного художника, теперь «все его произведения есть нечленораздельное завывание кликуши или, в лучшем случае, язвительный шепоток желчного, мелкого обывателя». Профессор, герой повести «На пенях», вызывает брезгливость, а рассказ «Новый год» «возводит в образ подвижника именно раба, лакея» [20. С. 146–147]⁷.

В названии статьи Д. Горбова «Мертвая красота и живучее безобразие» отражена ее суть. Когда-то Шмелев числился «в первых рядах лучших наших беллетристов», но новые его вещи вырастают на отравленной почве. Повесть «На пенях» видится критику как «кошмарная смесь ханжества, лицемерного умиления и лютого человеконенавистничества» [21. С. 241]. В рассказе «Каменный век» рецензент усматривает «мрачный, человеконенавистнический, мертвенный колорит, которого не могут скрыть щедро положенные яркие краски. И тут перед нами опять пестро-разряженный, но ядовитый мухомор, взращенный крупным художником на тучной почве ненависти и слепого озлобления» [Там же. С. 244].

В объемной концептуальной статье «10 лет литературы за рубежом» (1927) Горбов отмечает «теперешний мистицизм, злобствование и кликушество» Шмелева [22. С. 31]. Православие, болезненный национализм — вот что не приемлет критик в художественном мире писателя, иронично называя того «христианнейшим автором». С сарказмом он пишет о «бешено-злобном рассказе» «Про одну старуху», где большевики «клеятся с высоты христианской любви и патриархальных устоев русского народа» [Там же]. А в рассказе «Чужой крови», где западной цивилизации противопоставлена душа русского человека, Горбов находит шаблонную, «расплывчато-националистическую» концепцию, «укрепившись на которой так удобно умиляться и ненавидеть, но которая не открывает решительно никаких перспектив для борьбы за строительство нации» [Там же].

Таковы основные тенденции журнальной критики Шмелева. Но имя писателя удостоилось места и в курсах русской литературы. В монографию «Новейшая русская литература» (М., 1923) В.Л. Львов-Рогачевский включил главу «И.С. Шмелев. Духовный сын 1905 года». Она в основном повторяет его очерк 1912 г. «Художник обездоленных», центральным положением которого была мысль о глубоком демократизме писателя, приветствовавшего голос «новой демократической России». В новом издании автор добавил к тексту очерка завершение, скорее сочувственное, нежели обличительное:

⁷ Прозаик и поэт, критик, редактор Н.П. Смирнов (1898–1978) впоследствии пересмотрел свои оценки эмигрантской литературы. После войны он стал первым в России исследователем и издателем И. Бунина, вел переписку со многими писателями зарубежья.

После революции 1917 года Ив. Шмелев почти замолкает <...>. Те немногие произведения, с которыми он выступает в 1922 году, поражают своим пессимизмом. <...> Пережитое И. Шмелевым тяжкое личное горе в годы революции потрясло художника и надолго, быть может, навсегда выбило его из колеи творчества... [23. С. 221].

В книге Ивана Кубикова «Рабочий класс в русской литературе» (1924) Шмелеву посвящен большой раздел. В основном это пересказ произведений, который завершается откровенной апологией прозаика. Хотя идеология нынешнего писателя чужда рабоче-крестьянской России, пишет Кубиков, нельзя отрицать, что Шмелев обладает «дарованием одного из замечательных русских писателей» [24. С. 257], а его «Человек из ресторана» «останется одним из лучших произведений литературы начала XX века» [Там же. С. 258].

Курс Б.В. Михайловского «Русская литература XX века. С девяностых годов XIX века до 1917 года» вышел уже в 1939 г. Книга была допущена в качестве учебника для студентов и выпущена тиражом 50 тысяч экземпляров. Здесь нет отдельной главы о Шмелеве, но его имя упоминается в соответствующих хронологических разделах. Суждения о его творчестве скупы, но относительно нейтральны. В заслугу писателю ставится то, что в «Человеке из ресторана», «Гражданине Уклеикине» Шмелев показал процесс прозрения «маленького человека», изживание рабской психологии. Но этот протест «не находит выхода вовне, активность проявляется в жертвенности» [25. С. 38]. В повести «Росстани» Михайловский усмотрел идеализацию деревни и отношений крестьян с помещиками, а в сборнике «Суровые дни» — «сугубо фальсифицированное освещение войны» на том основании, что у Шмелева между офицерами и солдатами возникают братские отношения, а крестьяне «понимают и одобряют цели войны, охотно идут на нее» [Там же. С. 413–414].

Наконец, помимо рецензий, литературоведческих работ, вузовских курсов имя Шмелева отразилось даже в мемуарном жанре. Воспоминания поэта и переводчика И.А. Белоусова «Литературная среда» были опубликованы в Москве в 1928 г. Они интересны не только описанием собственно литературных событий, как, например, чтение Шмелевым своей повести «Человек из ресторана» в писательском кружке. С большой любовью отображается личность Ивана Сергеевича: он предстает как человек, внимательный к народным нуждам, знаток русской природы, защитник птиц, заботливый цветовод. Представляют ценность и воспоминания о возвращении Шмелева из Крыма; мемуарист сочувственно говорит о трагедии писателя:

Революция застала Шмелева в Крыму, откуда он долгое время не мог вырваться. Там он пережил тяжелое горе — у него погиб сын. Когда после Крыма Шмелев вернулся в Москву, я едва узнал его при встрече: вместо живого, подвижного и всегда бодрого я встретил согнутого, седого, с отросшей бородой, разбитого человека. В Москве он несколько поправился, но страшно тосковал, что не может писать [26. С. 188].

Так, данный обзор позволяет прийти к следующим выводам. Несмотря на эмиграцию и публикацию за рубежом произведений, обличающих большевизм, на протяжении всех 1920-х гг. Иван Шмелев постоянно находился в поле зрения советских критиков и литературоведов. Его книгам посвящены десятки рецензий, его имя включалось в курсы русской литературы и учебники. Политические взгляды писателя не являлись препятствием для объективной оценки органического таланта художника. Очевидно разнообразие подходов критиков, которые уделяли внимание поэтике, смысловым, нравственным и социальным акцентам шмелевского творчества. Диапазон оценок простирался от идеологических обличений и социологизаторского взгляда на писателя как на «выразителя буржуазной идеологии» до представления о Шмелеве как о крупном и талантливом художнике-реалисте, открывшем национальные типы, искусство которого дарит радость и утешение.

Литература

1. Воронский А.К. Вне жизни и вне времени: (русская зарубежная художественная литература) // *Прожектор*. 1925. 15 июля (№ 13 (59)). С. 18–22.
2. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М.: Академия, 2010. 368 с.
3. Николай Чужак (Насимович Н.Ф.). По новейшей литературе // *Известия ВЦИК*. 1923. 26 августа (№ 191). С. 5.
4. Смирнов Н.П. Литературные заметки // *Известия ВЦИК*. 1923. 8 мая (№ 100). С. 4.
5. Николаев Д.Д. Творчество И.С. Шмелева в русской критике начала 1920-х гг. // *Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания: сб. материалов междунар. науч. конф. 2003 и 2005 гг.* М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 368–379.
6. И.С. Шмелев: pro et contra: антология. Т. 1 / сост., вступ. ст., коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: РХГА, 2023. 840 с.
7. Ангарский Н. (Клестов Н.С.). Иван Сергеевич Шмелев // *Творчество*. 1920. № 2/4. С. 39–40.
8. Н. К-ов (Клестов Н.С.). Задворки жизни (Ив. Шмелев. Рассказы) // *Утро России*. 1912. 27 октября (№ 248). С. 5.
9. Ашукин Н.С. Рецензия // *Россия: общественно-литературный журнал*. 1922. № 3. С. 28. Рец. на кн.: *Неупиваемая чаша: повесть* / Ив. Шмелев.
10. Соболев Ю.В. Рецензия // *Печать и революция*. 1923. Кн. 4. С. 271–272. Рец. на кн.: *Служители правды* / Ив. Шмелев.
11. Соболев Ю.В. Рецензия // *Печать и революция*. 1923. Кн. 1. С. 224–225. Рец. на кн.: *Неупиваемая чаша* / Ив. Шмелев.
12. Соболев Ю.В. Рецензия // *Печать и революция*. 1923. Кн. 5. С. 294–296. Рец. на кн.: *Виноград: рассказы* / И.С. Шмелев.
13. Киреев Б.М. Рецензия // *Книга и профсоюзы: бюллетень библиографии и книгоиздательского дела*. 1926. Вып. 10. С. 40–41. Рец. на кн.: *Человек из ресторана* / Ив. Шмелев.
14. Дашков Л. (Зайцев П.Н.). Рецензия // *Книга и профсоюзы: бюллетень библиографии и книгоиздательского дела*. 1927. Вып. 5. С. 47–48. Рец. на кн.: *Забавное приключение: рассказы* / Иван Шмелев.
15. Горбачев Г.Е. Реалистическая проза 1910-х годов и творчество Ив. Шмелева // *Забавное приключение: рассказы* / И.С. Шмелев. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. III–XV.
16. Л. К. Предисловие // *Стена* / И.С. Шмелев. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. С. 5–8.
17. Аксенов И.А. Окно: рецензия на книгу // *Печать и революция*. 1923. Кн. 6. С. 255–258.
18. Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.
19. Смирнов Н.П. Солнце мертвых: заметки об эмигрантской литературе // *Красная новь*. 1924. № 3. С. 250–267.
20. Смирнов Н.П. На том берегу: заметки об эмигрантской литературе // *Новый мир*. 1926. № 6. С. 141–150.

References

1. Voronsky A.K. Vne zhizni i vne vremeni: (russkaia zarubezhnaia khudozhestvennaia literatura) // *Prozhektor*. 1925. 15 iulia (No. 13 (59)). S. 18–22.
2. Golubkov M.M. Istoriia russkoi literaturnoi kritiki XX veka (1920–1990-e gody). Moscow: Akademiia, 2010. 368 s.
3. Nikolai Chuzhak (Nasimovich N.F.). Po noveishei literature // *Izvestiia VTsIK*. 1923. 26 avgusta (No. 191). S. 5.
4. Smirnov N.P. Literaturnye zametki // *Izvestiia VTsIK*. 1923. 8 maia (No. 100). S. 4.
5. Nikolaev D.D. Tvorchestvo I.S. Shmeleva v russkoi kritike nachala 1920-kh gg. // *Nasledie I.S. Shmeleva: problemy izucheniia i izdaniia: sb. materialov mezh-dunar. nauch. konf. 2003 i 2005 gg.* Moscow: IMLI RAN, 2007. S. 368–379.
6. I.S. Shmelev: pro et contra: antologiia. T. 1 / sost., vstup. st., komment. A.M. Lyubomudrova. St. Petersburg: RKhGA, 2023. 840 s.
7. Angarsky N. (Klestov N.S.). Ivan Sergeevich Shmelev // *Tvorchestvo*. 1920. No. 2/4. S. 39–40.
8. N. K-ov (Klestov N.S.). Zadvorki zhizni (Iv. Shmelev. Rasskazy) // *Utro Rossii*. 1912. 27 oktiabria (No. 248). S. 5.
9. Ashukin N.S. Retsenziia // *Rossia: obshchestvenno-literaturnyi zhurnal*. 1922. No. 3. S. 28. Rets. na kn.: *Neupivaemaia chasha: povest'* / Iv. Shmelev.
10. Sobolev Yu.V. Retsenziia // *Pechat' i revoliutsiia*. 1923. Kn. 4. S. 271–272. Rets. na kn.: *Sluzhiteli pravdy* / Iv. Shmelev.
11. Sobolev Yu.V. Retsenziia // *Pechat' i revoliutsiia*. 1923. Kn. 1. S. 224–225. Rets. na kn.: *Neupivaemaia chasha* / Iv. Shmelev.
12. Sobolev Yu.V. Retsenziia // *Pechat' i revoliutsiia*. 1923. Kn. 5. S. 294–296. Rets. na kn.: *Vinograd: rasskazy* / I.S. Shmelev.
13. Kireev B.M. Retsenziia // *Kniga i profsoiuzy: biulleten' bibliografii i knigoizdatel'skogo dela*. 1926. Vyp. 10. S. 40–41. Rets. na kn.: *Chelovek iz restorana* / Iv. Shmelev.
14. Dashkov L. (Zaitsev P.N.). Retsenziia // *Kniga i profsoiuzy: biulleten' bibliografii i knigoizdatel'skogo dela*. 1927. Vyp. 5. S. 47–48. Rets. na kn.: *Zabavnoe prikluchenie: rasskazy* / Ivan Shmelev.
15. Gorbachev G.E. Realisticheskaia proza 1910-kh godov i tvorchestvo Iv. Shmeleva // *Zabavnoe prikluchenie: rasskazy* / I.S. Shmelev. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. S. III–XV.
16. L. K. Predislovie // *Stena* / I.S. Shmelev. Moscow; Leningrad: Zemlia i fabrika, 1928. S. 5–8.
17. Aksenov I.A. Okno: retsenziia na knigu // *Pechat' i revoliutsiia*. 1923. Kn. 6. S. 255–258.
18. Kornienko N.V. "Nepovskaia ottepel'": stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki. Moscow: IMLI RAN, 2010. 504 s.
19. Smirnov N.P. Solntse mertvykh: zametki ob emigrantskoi literature // *Krasnaia nov'*. 1924. No. 3. S. 250–267.
20. Smirnov N.P. Na tom beregu: zametki ob emigrantskoi literature // *Novyi mir*. 1926. No. 6. S. 141–150.

21. Горбов Д.А. Мертвая красота и живучее безобразия // Красная новь. 1926. № 7. С. 234–245.

22. Горбов Д.А. 10 лет литературы за рубежом // Печать и революция. 1927. Кн. 8. С. 9–35.

23. Львов-Рогачевский В.Л. И.С. Шмелев. Духовный сын 1905 года // Новейшая русская литература / В.Л. Львов-Рогачевский. М.: Центросоюз, 1923. С. 213–221.

24. Кубиков И.Н. И.С. Шмелев. Рассказ «Гражданин Уклеикин». Повесть «Человек из ресторана». Рассказы «Патока» и «Стена» // Рабочий класс в русской литературе / И.Н. Кубиков. 4-е изд. М.; Л.: Моск. рабочий, [1928]. С. 246–258.

25. Михайловский Б.В. Русская литература XX века: с девяностых годов XIX века до 1917 года. М.: Учпедгиз, 1939. 420 с.

26. Белоусов И.А. Литературная среда: воспоминания (1880–1928). М.: Никитинские субботники, 1928. 278 с.

21. Gorbov D.A. Mertvaia krasota i zhivuchee bezobrazie // Krasnaia nov'. 1926. No. 7. S. 234–245.

22. Gorbov D.A. 10 let literatury za rubezhom // Pechat' i revoliutsiia. 1927. Kn. 8. S. 9–35.

23. Lvov-Rogachevsky V.L. I.S. Shmelev. Dukhovnyi syn 1905 goda // Noveishaia russkaia literatura / V.L. Lvov-Rogachevsky. Moscow: Tsentrosoiuz, 1923. S. 213–221.

24. Kubikov I.N. I.S. Shmelev. Rasskaz "Grazhdanin Ukleikin". Povest' "Chelovek iz restorana". Rasskazy "Patoka" i "Stena" // Rabochii klass v russkoi literature / I.N. Kubikov. 4-e izd. Moscow; Leningrad: Mosk. rabochii, [1928]. S. 246–258.

25. Mikhailovsky B.V. Russkaia literatura XX veka: s devianostykh godov XIX veka do 1917 goda. Moscow: Uchpedgiz, 1939. 420 s.

26. Belousov I.A. Literaturnaia sreda: vospominaniia (1880–1928). Moscow: Nikitinskie subbotniki, 1928. 278 s.

Любомудров Алексей Маркович,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Lyubomudrov Alexei M.,

Doctor of Philology, Leading Researcher
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the
Russian Academy of Sciences;
F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy

e-mail: anketaspb@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

